

УДК 343.98

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. И. Шнейдерова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности определения места и времени совершения хищений в сфере оборота криптовалют как признаков пространственного элемента обстановки хищений. Обращается внимание на необходимость введения показателя множественности мест в механизме преступлений, совершаемых группой лиц с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: криптовалюта, хищение, обстановка, место, время, пространственный элемент, часовой пояс.

Annotation. In the article the author examines the peculiarities of determining the crime scene and the time of theft in the sphere of cryptocurrency turnover as signs of a spatial element of the theft setting. Attention is drawn to the need to introduce an indicator of the multiplicity of scenes in the mechanism of crimes committed by a group of persons using the Internet.

Keywords: cryptocurrency, theft, setting, crime scene, time, spatial element, time zone.

Популяризация криптовалют, получивших легальный правовой статус как имеющее имущественную ценность средство универсального обмена в белорусском правовом поле, выступает одним из ключевых факторов, повлиявших на появление интереса субъектов криминального сектора к указанному активу. По данным аналитической компании New World Wealth, в Беларуси на 2023 год насчитывалось более 277 тысяч владельцев криптовалют, вариационность количества которых находится в прямой зависимости от тенденций криптовалютного рынка и волатильности курсов наиболее популярных видов криптовалют, таких как биткоин и эфир [1]. За последние пять лет в практике белорусских правоохранительных органов сформировалась группа хищений, представленная вымогательством, мошенничеством, хищением путем модификации компьютерной информации, в механизме которых криптовалюты выступают предметом преступного посягательства. Расследование указанной группы хищений, несмотря на сформированные и апробированные криминалистикой методики для данных составов, столкнулось с рядом проблем, вызванных спецификой криптовалют, проводимых с ними операций и используемых при этом технических и программных средств. Отсутствие комплексных научных исследований, раскрывающих сущность криптовалют и особенности их оборота как предмета

посягательства, способы хищений, характеристику обстановки, механизм слепообразования и типичные следы, использование указанной информации для организации процесса расследования хищений на первоначальном и последующем этапах в целях их эффективного и оперативного раскрытия, обуславливают актуальность разработки частной криминалистической методики расследования хищений в сфере оборота криптовалют, информационным компонентом которой является криминалистическая характеристика преступлений.

В рамках настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть особенности одного из структурных элементов криминалистической характеристики — обстановки совершения хищений в сфере оборота криптовалют. Как отмечает А. А. Бессонов, обстановка совершения преступления характеризуется следующими положениями: представляет систему взаимосвязанных элементов окружающей среды (объектов, явлений, процессов); имеет пространственно-временные границы, обусловленные совершенным преступлением; оказывает влияние на механизм преступления и слепообразования; изучение закономерностей взаимосвязи элементов этой системы и следов механизма преступления обуславливает методику расследования преступления [2, с. 160]. Соглашаясь с мнением указанного автора, отметим, что применительно к хищениям в сфере оборота криптовалют обстановка может быть представлена совокупностью сведений о взаимодействии объектов окружающей обстановки до, в момент и после совершения преступлений, сведений, характеризующих место, время, используемые средства, а также иные факторы, влияющие на возможность и условия совершения преступления.

Пространственный элемент обстановки представлен характеристикой места его совершения и временным периодом, которые, применительно к хищениям в сфере оборота криптовалют, находятся в прямой зависимости от месторасположения используемых преступниками технических устройств. Так как в составах вымогательств, мошенничеств и хищений путем модификации компьютерной информации в качестве средства реализации преступного умысла, как правило, используется сеть Интернет, то определение конкретного места совершения преступления в классическом его понимании проблематично и вызывает ряд спорных вопросов.

Исходя из представлений механизма взаимодействия устройств в Сети между собой и с удаленными сетевыми ресурсами, усматривается возможность введения нового показателя в криминалистике применительно к категории места совершения преступления — множественность мест, поскольку при совершении одного хищения может быть задействовано от двух и более географических точек. К примеру, преступник А, находясь на территории иностранного

государства X, получил некоторым образом данные для доступа к криптокошельку потерпевшего. Со своего компьютера посредством удаленного доступа к онлайн-криптокошельку, сервер которого расположен на территории иностранного государства У, преступник осуществляет вход в кошелек, инициирует транзакцию по переводу криптовалют на свой криптокошелек. В данном случае реализация преступного действия в виде выбора команд и ввода данных начинается преступником на территории государства X и продолжается при выполнении сервером криптокошелька этих команд, т. е. неправомерной транзакции, на территории государства У, где и наступают противоправные последствия. Следовательно, при наличии удаленного доступа к ресурсу сети Интернет преступник, фактически находясь на территории государства X, совершает своими действиями хищение на территории государства У. Преступник Б, находясь на территории иностранного государства Z, осуществляет те же действия в отношении того же кошелька, что и преступник А, поскольку они действуют совместно. Исходя из изложенного, возникает несколько вопросов: какое из мест следует считать местом совершения преступления — место фактического нахождения преступников, если да, то какого из них, или местонахождение сервера криптокошелька, на котором программой выполняется неправомерная транзакция?

Поскольку преступление совершить может лишь человек, то используемый им удаленный ресурс выступает в механизме хищения в качестве средства совершения преступления независимо от того, на каком физическом носителе он размещен и где этот носитель территориально расположен. В связи с этим местом совершения преступления следует признавать фактическое местонахождение преступника в момент совершения объективной стороны хищения, т. е. в момент ввода заведомо неправомерных команд и данных в информационную систему. При наличии нескольких соисполнителей, находящихся территориально отдаленно друг от друга, следует считать местонахождение каждого из них при совершении объективной стороны местом совершения хищения и вести речь о показателе множественности мест, так как такие сведения представляют криминалистический интерес как при выявлении следов преступления, так и в процессе розыска указанных лиц.

Еще один важный аспект при определении места совершения хищения вытекает из разграничения фактического местонахождения преступника и технического местонахождения его устройства, фиксируемого информационной системой в момент совершения преступления. Любому устройству, получающему доступ к сети Интернет, провайдером присваивается IP-адрес (сетевой), благодаря которому иные узлы Сети могут осуществлять обмен данными с этим устройством. IP-адрес позволяет провайдеру отслеживать активность

пользователя в Сети, устанавливать его географическое местоположение в определенный период времени по привязанному к IP физическому адресу устройства (Mac-адрес), с которого осуществлен доступ к Интернету. Данная информация представляет непосредственный криминалистический и оперативный интерес при установлении местонахождения преступника в момент совершения хищения и его дальнейшем розыске. Однако на практике установить реальный IP-адрес затруднительно, поскольку все чаще преступники прибегают к сервисам-анонимайзерам (например, VPN, TOR, SOCKS и др.), позволяющим его скрывать и выходить в Сеть под IP стороннего узла, который географически значительно удален от местонахождения преступника, кроме того, последние используют в совокупности с анонимайзерами общедоступные сети Wi-Fi в общественных местах (под одним IP в Сети могут находиться несколько десятков устройств одновременно, что усложняет правоохранным органам задачу по определению устройства, использованного преступником). При указанных обстоятельствах выявленные в ходе расследования и оперативно-розыскной работы анонимизированные IP-адреса приведут к сервисам-анонимайзерам, как правило, зарегистрированным на территории иностранных государств, получить криминалистически значимую информацию от которых крайне затруднительно ввиду особенностей корпоративной политики. Из изложенного следует, что не во всех случаях фактическое местонахождение преступника в момент совершения хищения криптовалют будет совпадать с географической привязкой зафиксированных сетевого и физического адресов устройства, что следует учитывать в процессе расследования.

При определении времени совершения преступления следует исходить из способа хищения и особенностей фиксации времени информационной системой. В случаях, когда хищение реализуется через сеть Интернет посредством безналичных переводов или неправомерных криптовалютных транзакций, правоохранные органы опираются на временные показатели, зафиксированные пользовательскими устройствами и сетевыми ресурсами. Особенность данной ситуации заключается в том, что пользовательское устройство или серверы сетевых ресурсов могут одновременно использовать различные способы фиксации времени активности пользователя. Следует обратить внимание на понятия локального сетевого времени и универсального координированного времени (UTC). Локальное время — это местное время того государства, на территории которого находится пользовательское устройство. Оно устанавливается устройством в зависимости от системных настроек либо автоматически по геолокации, либо вручную и определяет, в каком часовом поясе находится устройство. При этом синхронизация такого времени осуществляется операционной системой через сеть Интернет посредством

протокола NTP. Большинство сетевых ресурсов, предоставляющих свои услуги на мировом сетевом рынке, в работе своих программных кодов используют именно UTC, что позволяет им транслировать пользователю тот временной показатель, в часовом поясе которого он находится. Например, преступник, находясь на территории Екатеринбурга (Российская Федерация) в часовом поясе UTC+5, в 15:00 часов совершает неправомерную транзакцию в криптокошельке потерпевшего. Сервер криптокошелька, расположенный в Берлине (Германия) в часовом поясе UTC+2, фиксирует данную транзакцию под временем 12:00 часов. Потерпевший, находясь в Минске (Республика Беларусь) в часовом поясе UTC+3, устанавливает, что указанная неправомерная транзакция проведена в 13:00 часов. Несмотря на разницу в часовых поясах, момент времени совершения хищения один и тот же. В данном случае возникает вопрос, какое время следует признавать временем совершения хищения? Видится целесообразным время совершения хищения по аналогии с местом его совершения устанавливать в зависимости от местонахождения преступника в момент реализации объективной стороны с указанием на часовой пояс данного региона. Фиксация часового пояса в процессуальных документах имеет важное практическое значение, поскольку на первоначальном этапе расследования в ходе процессуальных действий криминалистически значимая информация получается с устройств и аккаунтов потерпевших, в которых отображается их локальное сетевое время, не совпадающее с локальным временем на устройстве преступника. В целях недопущения путаницы во временных показателях указание часового пояса в процессуальных документах (в частности, протоколах осмотра компьютерной информации) видится необходимой мерой при расследовании хищений в сфере оборота криптовалют.

Если время совершения хищения определяется, исходя не из территории нахождения преступника, а из зафиксированного сервером крипторесурса IP-адреса или интерпретации локального сетевого времени в журналах событий, то следует помнить о нескольких аспектах: преступником мог быть использован VPN или умышленно изменено локальное сетевое время на устройстве. При использовании VPN пользователь выходит в Сеть под IP-адресом сервера, находящегося на территории государства, отличного от фактического места его пребывания. В этой связи в случае установления принадлежности IP сервису VPN определяемый им временной показатель временем совершения хищения признаваться не будет. Умышленное изменение локального времени на устройстве влияет на временной показатель фиксации событий в журналах компьютера (при этом реальное время пользовательской активности не совпадает со временем, зафиксированным устройством), что может повлечь

ошибочную интерпретацию полученной доказательственной информации и должно быть учтено в процессе оценки полученных данных.

Таким образом, при характеристике места и времени совершения хищений в сфере оборота криптовалют, составляющих пространственный элемент обстановки, следует исходить из местоположения преступника и действующего на его территории часового пояса в момент реализации объективной стороны, а в случае соисполнительства — каждого из преступников, находящихся в разных местах, что образует показатель множественности мест. При указании времени в процессуальных документах представляется целесообразным указывать часовые пояса (при их отличии) в целях недопущения путаницы во временных показателях в рамках одного уголовного дела.

---

1. Посчитали, сколько в Беларуси владельцев криптовалют [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. URL: <https://belmarket.by/news/news-53857.html> (дата обращения: 16.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 6. С. 158–163. [Вернуться к статье](#)